
Золотые штрихи Гинкго
18+
Лина Йокаи

Лина Йокаи

Золотые штрихи гинкго

«Автор»
2026

Йокаи Л.

Золотые штрихи гинкго / Л. Йокаи — «Автор», 2026

Мистический броманс-детектив с элементами темного азиатского фэнтези.Покинув родной дом ради долгожданного путешествия, художник Кохаку оказывается втянут в расследование загадочных убийств, предсказанных на таинственных рисунках.Его неожиданным спутником становится Ран, своенравный демон, повелевающий ветром.В поисках ответов они отправляются по следам проклятых реликвий забытых богов. Но за чередой древних тайн скрывается заговор, способный изменить судьбу всех демонов.

© Йокаи Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. 5
Глава 1. Промокший янтарь и тушевый кот. 7
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Лина Йокаи
Золотые штрихи гинкго

Пролог.

Не поднимай того, что отвергли сами боги. Ибо всякий божественный дар требует платы.

Первого мертвеца нашли на рассвете возле красильной мастерской. Горло мужчины было перерезано от уха до уха, а четыре отрубленных пальца правой руки аккуратно разложены у него на груди. Хозяин мастерской, вышедший открыть ставни, сперва принял лежавшего у стены незнакомца за пьяницу. Лишь подойдя ближе, он заметил кровь, затекшую в щели между камнями.

Тут же прибыли гончие и, осмотрев тело, они опросили соседей и распорядились унести покойника. Тогда-то жители и вспомнили о странном рисунке, появившемся несколькими днями ранее на рынке. На нем был изображен мужчина с перерезанным горлом и четырьмя отсеченными пальцами, уложенными поверх одежды. Даже положение тела в точности совпадало с тем, в котором нашли убитого.

Рисунок видели многие, но никто не придал ему значения. В Сэйхоку хватало бродячих художников, готовых за несколько монет изобразить любую непристойность или уродство.

Гончие изъяли бумагу, однако выяснить, кто ее оставил, не смогли. Убийство сочли делом рук какого-нибудь приезжего головореза и принялись искать виновного среди портовых рабочих и торговцев.

Девять дней спустя пропал молодой торговец тканями. Домой он так и не вернулся, а еще через трое суток его останки обнаружили в заброшенном сарае на окраине рыбацкого квартала. Обе руки несчастного были переломаны в нескольких местах, лицо изуродовано до неузнаваемости, а пустые глазницы забиты окровавленными лоскутами из его собственной лавки. Отец торговца, прибывший опознать сына, упал без сознания, едва заглянув внутрь сарая.

Накануне исчезновения возле одной из чайных появился еще один портрет. На нем был изображен человек с теми же увечьями, которые позднее обнаружили на погибшем. Рисунок успели рассмотреть десятки прохожих, но узнать в нем молодого торговца было невозможно. Художник скрыл половину лица окровавленным полотнищем, оставив открытыми лишь подбородок и часть лба.

После второго убийства на рынках заговорили о проклятии. Одни утверждали, что неизвестный художник способен предсказывать чужую смерть, другие винили во всем проклятую

кисть. Нашлись и те, кто подозревал демонов. Гончие не спешили опровергать слухи, хотя следов применения демонической силы ни на одном из мест преступлений обнаружить не удалось.

Вскоре погибли двое братьев-демонов, державших небольшую лавку в северной части района. За несколько дней до смерти они обнаружили собственные портреты на воротах дома.

Старший был изображен привязанным к деревянному столбу с распоротой грудью. Младший стоял на коленях с вывернутыми за спину руками. Испуганные братья немедленно обратились к гончим, однако те лишь расспросили их о недавних посетителях и велели несколько дней не покидать жилище.

На четвертую ночь обоих нашли во внутреннем дворе. Старший еще дышал, хотя грудь его была рассечена до костей. Он умер прежде, чем успели привести лекаря. Младшему раздробили суставы, содрали кожу с пальцев и бросили рядом с братом.

Один из гончих, присутствовавший при осмотре, позднее признался, что за все годы службы не встречал подобной жестокости, хотя ему не раз доводилось видеть последствия пыток и присутствовать на публичных казнях. Особенно его поразило, насколько точно положение тел соответствовало рисункам, которые братья сами принесли накануне.

Теперь никто не принимал зловещие рисунки за чью-то дурную шутку. Стоило заметить на стене подозрительный лист, его тут же срывали и сжигали посреди улицы. Если на портрете узнавали соседа или родственника, того спешили предупредить. Некоторые после такого бросали дома и уезжали из Сэйхоку, не дожидаясь, очередного убийства. Но и бегство не всегда спасало. Некоторые пропадали из запертых домов, несмотря на крепкие засовы и высокие ограды.

Убийцу прозвали Кровавым художником. Вскоре о нем заговорили далеко за пределами рыбацкого квартала. Слухи дошли до портов, торговых улиц и богатых районов, жители которых прежде редко интересовались бедами простолюдинов. Гончие хватали переписчиков, допрашивали продавцов, врывались в мастерские и изымали кисти. После допросов одних отпускали с переломанными пальцами, других больше никто не видел. Но сколько бы людей ни уводила стража, на стенах появлялись новые портреты, а следом находили очередного мертвеца.

Богатые семьи нанимали вооруженных сторожей, бедняки заколачивали окна и старались лишний раз не выходить на улицу. Кто мог позволить себе переезд, распродавал имущество за бесценок и покидал Сэйхоку.

Никто не знал, по какому признаку преступник выбирал жертв. Среди погибших были мужчины и женщины, молодые и старики, люди и демоны. Одни жили в достатке, другие едва сводили концы с концами. Гончие изучали обстоятельства каждого убийства, расспрашивали свидетелей и пытались установить связь между погибшими, но всякий раз заходили в тупик.

Глава 1. Промокший янтарь и тушевый кот.

К полудню третьего дня пути Кохаку добрался до окраины Сэйхоку. Еще на подходе к рыбацкому району ему встретилось несколько семей, которые, судя по количеству поклажи, покидали свои дома надолго. Мужчины несли тяжелые мешки с домашней утварью, женщины вели детей и помогали пожилым родственникам. Кохаку уступил им дорогу и некоторое время смотрел вслед. Он слышал, что за последние недели многие жители перебрались из Сэйхоку в соседние поселения, однако прежде не придавал этим слухам особого значения.

До сих пор Кохаку редко доводилось покидать родной Хокумати. Большую часть времени он посвящал живописи, а для этого вовсе не требовалось отправляться в дальние странствия. В его распоряжении была собственная мастерская, где хранились большие запасы хорошей бумаги, туши и красок. Если какие-нибудь принадлежности заканчивались, слуги без лишних вопросов отправлялись за ними к торговцам.

Разумеется, в Хокумати еще оставалось немало прекрасных мест, достойных кисти художника, но Кохаку не хотел всю жизнь ограничиваться богатыми кварталами. Его привлекали горные святилища, отдаленные деревни и небольшие поселения, о которых прежде доводилось слышать лишь от путешественников. В конце концов, разве мог он считать себя хорошим художником, если из года в год изображал одни и те же сады?

Бабушка, впрочем, придерживалась другого мнения. Узнав о намерении внука покинуть Хокумати, она принялась перечислять опасности, подстерегавшие путников за городскими стенами. Особенно ее беспокоили участившиеся нападения демонов. А последние известия из Сэйхоку и вовсе убедили ее, что молодому человеку следует остаться дома хотя бы до тех пор, пока на дорогах не станет спокойнее.

Любопытство взяло вверх. Кохаку пообещал избегать опасных мест и останавливаться исключительно на приличных постоялых дворах. О том, что первым пунктом его путешествия станет именно Сэйхоку, он предпочел умолчать, чтобы лишний раз не тревожить родных.

Тем временем дорога постепенно расширялась. Впереди показались мачты рыбацких судов, а ветер донес со стороны гавани запах соли и сырой древесины. Широкая улица спускалась к рынку, где даже в этот час шла оживленная торговля. Рыбаки разгружали корзины с уловом, разносчики наперебой расхваливали товары, а покупатели толпились возле прилавков.

К удивлению Кохаку, рынок совсем не походил на место, о котором с тревогой говорили в каждой придорожной харчевне. Большинство лавок работало, на улицах хватало прохожих, и даже заколоченные окна встречались не так часто, как он ожидал. Если бы не семьи, покидавшие город, можно было бы подумать, что дурные вести сильно преувеличены.

Местные жители провожали Кохаку настороженными взглядами, не стесняясь разглядывать его одежду. Дорогое желтое кимоно заметно выделялось среди скромных нарядов рыбаков

и небогатых торговцев. Он и сам понимал, что подобная одежда мало подходила для долгих странствий, однако нарочно переодеваться во что-нибудь попроще не собирался.

К тому же, их внимание привлекало вовсе не кимоно. Стоило кому-нибудь заметить черный тубус с художественными принадлежностями у него на поясе, как любопытство сменялось опаской. Один из торговцев, еще мгновение назад приветливо кивавший молодому господину, поспешил отвернуться, едва разглядев тубус.

Значит, хотя бы в одном слухи не преувеличивали. В Сэйхоку действительно стали опасаться всякого, кто имел отношение к живописи.

У придорожной чайной Кохаку остановился пополнить запас воды и заодно узнать, где поблизости можно купить необходимые в дороге вещи. Хозяйка, худая женщина средних лет, охотно приняла его флягу и поинтересовалась, откуда прибыл молодой господин, но, узнав, что тот намерен задержаться в Сэйхоку, покачала головой.

— Не лучшее время вы выбрали, — предупредила она, наполняя его флягу. — Особенно с тем, что у вас на поясе. Гончие теперь всех подряд хватают. Увидят кисти или тушь — заберут на допрос. А оттуда не каждого отпускают.

Кохаку невольно опустил взгляд на тубус, затем огляделся. Торговец из соседней лавки, до этого раскладывавший товар, явно прислушивался к разговору. Заметив, что на него смотрят, мужчина поспешно отвернулся. Кохаку приветливо улыбнулся ему, но тот сделал вид, будто ничего не заметил.

— Неужели под подозрение попадают все художники? Что, даже дети?

— Да им теперь без разницы, умеет человек рисовать или нет, — женщина поставила наполненную флягу на прилавок. — На прошлой неделе переписчика из Минамино забрали. Старик всю жизнь свитки переписывал, кистью разве что иероглифы выводил. И что вы думаете? Три дня его продержали. Вернулся, так еле до дома дошел, соседи говорят, руки у него потом еще долго тряслись.

— А за что его задержали?

— Кто ж знает? Гончие никому не объясняют. Пришли, обыскали мастерскую и увели. Хорошо хоть живым вернулся.

Кохаку нахмурился. О жестокости гончих он слышал и раньше, однако до сих пор считал, что для ареста им требовались хоть какие-нибудь основания. Теперь же выходило, что одной кисти за поясом могло хватить, чтобы оказаться на допросе.

Поблагодарив хозяйку, Кохаку расплатился за воду и покинул чайную. Он и прежде не собирался вмешиваться в дела местной стражи, а теперь тем более не хотел привлекать к себе внимание. Сначала стоило найти комнату, оставить вещи и немного отдохнуть после дороги.

С этими мыслями он направился вдоль рынка. Торговля здесь шла бойко. Продавцы перекрикивали друг друга, предлагая свежую рыбу, овощи и всевозможные закуски, при чем еда для обычных людей нисколько не отличалась от демонической.

Кохаку с удовольствием разглядывал прохожих. В Хокумати торговые кварталы были устроены иначе. Богатые семейства жили за высокими оградами, а соседи, даже прожив бок о бок многие годы, редко интересовались делами друг друга. В Сэйхоку же, казалось, вся улица была знакома между собой. Покупатели окликали торговцев по именам, а пожилые хозяева лавок без всякого стеснения вмешивались в чужие разговоры.

После многочисленных слухов о кровавом художнике Кохаку ожидал увидеть совсем иную картину. Ему представлялись пустые улицы, запертые лавки и люди, боявшиеся лишний раз заговорить с незнакомцем. Либо здешние жители уже привыкли к опасности, либо просто не желали отказываться от привычной жизни. Кохаку больше склонялся ко второму. Оживленный рынок нравился ему куда сильнее тихих, чинных улиц родного квартала.

Он провел среди торговых рядов немало времени, разглядывая товары и прислушиваясь к разговорам. Лишь когда мешок за спиной начал ощутимо оттягивать плечо, Кохаку вспом-

нил, что собирался прежде всего найти жилье. Заодно, чтобы не привлекать лишнего внимания, он прикрыл тубус верхним кимоно.

Согласно указаниям хозяина, нужный дом стоял напротив рыбной лавки, по соседству с которой торговали цветами. Отыскать такое место казалось нетрудным, но рыбных прилавков здесь оказалось не меньше десятка, а цветы продавали едва ли не на каждом перекрестке.

Кохаку остановился возле двухэтажного дома и еще раз припомнил полученные указания. Напротив действительно торговали рыбой, а чуть поодаль стояли ведра со свежесрезанными цветами. Вот только сам дом совершенно не походил на тот, который описывал хозяин.

У окна второго этажа сидела старушка. Узкий подоконник перед ней был заставлен цветочными горшками, так что из-за листьев едва виднелось ее лицо.

— Простите, что беспокою, госпожа! Можно вас спросить?

Старушка выглянула из-за цветов и присмотрелась к незнакомцу.

— Не знаете, где здесь есть еще одна рыбная лавка? Мне нужна именно та, возле которой торгуют цветами.

— Рыбная? — Она прищурилась и посмотрела сначала в одну сторону улицы, потом в другую. — Да тут их сколько угодно, погляди. А цветочники каждый день на новом месте стоят. Разве за всеми уследишь?

— Жаль. Ну что ж, благодарю.

Кохаку поклонился и собирался идти дальше, но заметил один из горшков. Среди густой зелени выделялись крупные крапчатые листья, по которым он сразу узнал бегонию.

— У вас замечательные цветы. Нечасто встретишь бегонии, которые так хорошо растут в горшках.

— А что им сделается? — заулыбалась старушка. — Они неприхотливы, если знать, как ухаживать. Поливай вовремя да от холодного ветра береги. Это молодые все торопятся, ждут быстрого цветения, а тут терпение нужно. Времени-то у меня много.

Кохаку невольно улыбнулся. Поговорить о цветах ему было приятно, и при других обстоятельствах он с удовольствием задержался бы возле окна. Но за расспросами он и без того потерял немало времени. Поэтому он еще раз поблагодарил старушку и учтиво поклонился.

— Заходи еще, внучка! — ласково крикнула она ему вслед.

Кохаку застыл на месте, а затем неловко улыбнулся, решив, что поправлять старушку было бы невежливо. Подобное недоразумение случалось с ним далеко не впервые. Еще в Хокумати незнакомые люди нередко принимали его за девушку, особенно сбоку. Возможно, причиной были мягкие черты лица, доставшиеся ему от матери, а может, старушка сделала такой вывод из-за его интереса к цветам. Оставалось надеяться, что хотя бы хозяин съемной комнаты не примет его за постороннюю гостью.

За рынком улицы постепенно сужались. Дома здесь стояли так близко друг к другу, что их навесы почти соприкасались, а между оградами оставались проходы, по которым с трудом мог протиснуться человек с большой корзиной. Кохаку шел не торопясь, останавливаясь возле домов, которые чем-нибудь привлекали его внимание.

Он и прежде любил рисовать маленькие дворы и тесные улочки, но многое приходилось выдумывать. Здесь же все было перед глазами, внимание привлекали даже покосившиеся уютные пристройки и самодельные обереги, прибитые к дверям. Он запоминал каждую деталь для вдохновения.

Задумавшись, Кохаку незаметно дошел до конца улицы и оказался перед глухой деревянной оградой. Дальше дороги не было. Хозяин говорил, что дом находится неподалеку от рынка, а значит, нужный поворот остался позади.

На щеку упала крупная капля, за ней другая. Кохаку поднял голову. Над крышами сгущались темные тучи, он огляделся в поисках навеса, но дождь уже застучал по черепице, а вскоре с крыш потекли целые потоки воды.

— Накагава-сан! Это вы?

Кохаку обернулся. На пороге ближайшего дома стоял невысокий, слегка полный мужчина с короткой бородкой. Одной рукой он придерживал дверь, другой заслонял лицо от косого дождя.

— Да, это я! — обрадовался Кохаку, узнав хозяина, с которым прежде договаривался о комнате. Он поспешил к крыльцу и поклонился. — Простите, что заставил ждать. Я немного заблудился и, кажется, несколько раз прошел мимо вашего дома.

— Бывает, бывает. Здесь и местные иной раз не туда сворачивают, — отозвался мужчина, поглядывая на его промокшие плечи. — Заходите скорее, чего под дождем стоять! До самой ночи лить будет, уж поверьте.

Кохаку последовал приглашению. У входа он снял сандалии, поставил их рядом с чужой обувью и ступил на деревянный настил. Пол прихожей уже успел отсыреть, а доски потемнели от времени и постоянной сырости. В доме пахло старым деревом и вареным рисом.

— Живем мы просто, Накагава-сан, — заговорил хозяин, ведя его по коридору. — Надеюсь, вы не из привередливых. Воду носим из колодца, готовим каждый для себя. Ну и по вечерам попрошу не шуметь. Соседи у нас люди пожилые, рано спать ложатся.

— Конечно. Я постараюсь никому не мешать.

— Вот и славно. А понадобится чего, не стесняйтесь, говорите.

Кохаку поблагодарил хозяина и подтянул на плече дорожный мешок. Мужчина шел впереди, изредка оглядываясь на гостя. Одежда Кохаку, хоть и скромная на вид, была сшита из дорогой ткани. Хозяин, должно быть, недоумевал, отчего молодой господин из богатой семьи путешествует без слуг и с потрепанным мешком.

Он заметил и тубус.

— И еще... вы бы не ходили с этим по улицам, Накагава-сан, — посоветовал хозяин, понизив голос. — Просто времена сейчас такие... вы ведь слышали про…

— Кровавого художника? — усмехнулся Кохаку. — Не беспокойтесь, я никого не собираюсь убивать.

Он улыбнулся, надеясь немного развеселить хозяина, но тот остановился и посмотрел на него без всякого веселья. Кохаку сразу пожалел о сказанном. Ему самому пока доводилось лишь слушать рассказы об убийствах, тогда как здешние жители каждый день боялись обнаружить на стене чей-нибудь портрет.

Мужчина остановился перед деревянной перегородкой и отодвинул ее в сторону.

Комната оказалась маленькой, едва ли просторнее кладовой в родном доме. Пол покрывали старые татами, у стены лежал сложенный футон, а возле него стоял напольный фонарь с потемневшей деревянной рамой. Другой мебели не было. В дальнем углу от сырости почернела штукатурка, а под потолком виднелись следы давних протечек.

Кохаку поднял голову, поискал глазами окно и, не обнаружив его, снова посмотрел на хозяина. Тот сразу понял, в чем дело.

— Окна здесь нет, уж извините. Зато летом прохладно. Когда погода хорошая, можете перегородку открытой оставлять, свет из коридора попадает. А масло для фонаря я вам дам.

— Благодарю. Здесь вполне удобно.

Кохаку кивнул. После просторной мастерской в Хокумати комната казалась слишком тесной, но жаловаться он не собирался. Он сам решил отправиться в путешествие и понимал, что далеко не в каждом городе найдутся такие же удобства, как в родительском доме. К тому же здесь можно было отдохнуть от рыночного шума. За стенами слышался лишь дождь.

— Колодец у нас во дворе, — продолжал хозяин. — Уборная там же, за сараем. Если захотите постирать одежду, таз можете взять на кухне. И перегородку закрывать не забывайте. Ветер сильный бывает, распахнет ночью, потом ищи ее по всему двору.

Мужчина коротко усмехнулся, словно такое уже случалось. Затем пожелал гостю хорошего отдыха и отправился обратно по коридору. Где-то в глубине дома скрипнула дверь, послышался негромкий кашель, и снова стало тихо.

Кохаку наконец снял с плеча мешок. За долгую прогулку по городу лямка успела натереть кожу, и он с облегчением размял затекшее плечо. Следом отвязал от пояса тубус с кистями и бумагой, присел на татами и вытянул уставшие ноги.

Он достал лист васи и расстелил его перед собой. Затем вынул из мешка небольшую коробочку с тушечницей и тушечным бруском, добавил в углубление камня несколько капель воды из фляги и принялся растирать тушь до нужной густоты. За долгие годы он настолько привык к этому занятию, что мог бы справиться и с закрытыми глазами. Привычная работа успокаивала после утомительной дороги, а запах свежерастертой туши напоминал о родной мастерской.

Закончив приготовления, Кохаку выбрал из тубуса кисть, на первый взгляд ничем не отличавшуюся от других дорогих кистей. Разве что рукоять была слегка потертой.

Он достал из дорожного набора тонкую иглу, осторожно уколол кончик пальца и коснулся выступившей каплей крови основания волосков. Боль была пустяковой. За годы обращения с Сэйхицу он привык к этому маленькому условию и давно перестал обращать внимание на мелкие ранки, остававшиеся на пальцах.

Обмакнув кисть в тушь, он несколькими уверенными движениями изобразил небольшого кота. Сперва появилась округлая голова с острыми ушами, затем выгнутая спина, четыре лапы и длинный хвост. Последними Кохаку нарисовал глаза и негромко произнес:

— Суми, выходи.

Некоторое время рисунок оставался неподвижным. Затем нарисованный хвост дрогнул, кот выгнул спину и вытянул передние лапы, пробуждаясь от долгого сна. Сойдя с бумаги на татами, он оставил после себя чистый белый лист.

Кохаку отложил кисть и с улыбкой посмотрел на своего спутника. Перед ним сидел небольшой черный кот с густой шерстью и желтыми глазами. Суми мало чем отличался от обыкновенного кота: любил подолгу спать и крайне придирчиво выбирал место для отдыха.

Первым делом Суми потянулся, широко зевнул и оглядел новое жилище. Не найдя ничего достойного внимания, он повернулся к Кохаку.

— И это все? — спросил кот сонным голосом. — Здесь даже разгуляться негде.

— Хочешь осмотреться? Что ж, — Кохаку усмехнулся и махнул в сторону перегородки, — можем прогуляться чуть позже.

Суми склонил голову набок, покосился на влажные волосы приятеля и прислушался к дождю за стеной.

— Нет уж, сам иди. Там, похоже, вовсю хлещет.

Он прошел к перегородке, возле которой было немного светлее, и заглянул в коридор. Убедившись, что и там смотреть не на что, кот недовольно вернулся обратно.

— Ни окна, ни приличного света. И пахнет отвратительно. Надеюсь, мы здесь ненадолго?

— Радуйся, что нам вообще удалось найти крышу над головой, — ответил Кохаку, закрывая коробочку с тушью. — Хозяин сказал, дождь может идти до самой ночи. Как только утихнет, схожу на рынок и куплю что-нибудь к ужину. Согласен?

Он убрал коробочку в мешок и, покосившись на кота, добавил:

— Вот только не знаю, кого мне надежнее спрятать: Сэйхицу или тебя. С животными сюда вообще-то нельзя.

Суми немедленно обернулся.

— Тогда зачем ты меня вызвал?

Кохаку не ответил. Он убрал иглу в дорожный набор, вытер испачканные тушью пальцы и вспомнил кое-что из увиденного на рынке.

— Я заметил одну странную вещь. Между торговыми рядами есть стена, которую недавно побелили. Судя по разговорам, именно там прежде висел портрет убитого и торговец все время косился на нее, даже когда обслуживал покупателей. Только зачем понадобилось белить стену, если рисунок был на бумаге?

— Может, торговец суеверный. Кому понравится, если покупатели станут обходить лавку из-за проклятого рисунка?

— Возможно. Но следы свежей побелки я видел уже в двух местах. Не думаю, что это совпадение. Хотя и доказательством такое не назовешь. — Кохаку задумчиво потер подбородок. — Я слышал, что прежде известью замазывали кровь чистокровных демонов. Хм...

— А ты сам подумай, — отозвался Суми. — По городу ходят слухи о твоей Сэйхицу, а обычный человек даже прикоснуться к ней не может. Если люди верят, что убийца завладел этой кистью, кого еще им подозревать? Первым же делом подозревают демонов.

Кохаку вспомнил слова одного из рыбаков, с которым разговорился неподалеку от порта. По его рассказу, кровавый художник не допускал небрежности даже в изображениях изуродованных тел. Эта подробность тревожила Кохаку куда больше слухов о проклятии. Он и сам знал, сколько времени и труда требовалось для подобной точности. Особенно если художнику приходилось работать тайком.

— Мне хотелось бы увидеть его работы целиком, — произнес он.

— Надеюсь, не на месте убийства. Вечно суешь нос куда не следует. Все из Сэйхоку бегут, а тебе только дай возможность с кем-нибудь заболтать, — вздохнул кот.

— Я выясню кто за этим стоит. — Кохаку слегка улыбнулся. — Я почти уверен, что здесь замешан не один человек. Кто-то же выбирает жертв... и это не случайность. Возможно, все это связано с другими ихо. У меня такое предчувствие.

Пока у него не было ни одного убедительного доказательства, только обрывки чужих разговоров и собственные догадки. Никто ведь не мог объяснить, почему убийца выбирал определенных людей и каким образом ему удавалось раз за разом ускользать от гончих.

Суми медленно повел хвостом.

— С предчувствиями у тебя всегда было плохо. Еще утром уверял, что дождя не будет.

— Зато сегодня кровавому художнику труднее работать, — заметил Кохаку. — Под дождем его рисунки расплывутся. Совсем как ты.

— Какой ты сегодня добрый, — фыркнул Суми.

— Сперва нужно найти кого-нибудь, кто знает местных. Пока что этого будет достаточно.

— Всегда довольствуешься малым, — буркнул кот, брезгливо осматривая пыльные, потемневшие татами. — Только почему это должно касаться и меня?

Кохаку развернул футон и вытряхнул из складок соринки. Сразу запахло затхлой соломой и постель не мешало бы вынести на просушку. Хозяин показался ему доброжелательным, а за такую плату требовать лучших условий было бы совестно, он бы не хотел тревожить его напрасно. Знал же, что надолго здесь не задержится.

— Завтра с утра пойдем в порт, — сказал Кохаку, снимая верхнее кимоно. — Выспись как следует, избалованный кот.

Суми забрался на футон, немного потоптался и улегся у его ног.

— А сам-то? Небось одному скучно стало, вот и призвал меня, чтобы было с кем поболтать.

— Угадал, — усмехнулся Кохаку и лег на спину, заложив руки под голову. — Только ты особо не болтай. Услышат еще, как я сам с собой разговариваю, и точно примут за безумца.

Кохаку закрыл глаза.

Перед отъездом из Хокумати он сказал бабушке, что собирается писать пейзажи. И это ведь было правдой, хоть и не всей. Он давно мечтал повидать незнакомые края, но Сэйхоку

выбрал по другой причине. Известия о кровавом художнике тревожили его с тех пор, как в письме знакомого торговца он впервые прочел упоминание своей кисти.

Сэйхицу принадлежала роду Накагава и передавалась наследникам вместе с наставлениями, которые запрещалось разглашать посторонним. Она была одной из шести ихо, реликвий, сохранивших в себе волю древних богов. Не знавший ее истинных свойств человек вполне мог поверить, будто Сэйхицу способна на убийство. Однако кисть даровала нарисованному жизнь, а не отнимала ее. Для этого требовались кровь наследника и часть его сил. Даже Суми не мог покинуть бумагу без призыва своего хозяина.

Больше всего Кохаку беспокоило то, что горожане говорили не просто о художнике, чьи портреты предвещали смерть. В слухах все чаще упоминали именно его кисть. Мириться с подобной клеветой на наследие своего рода он не собирался. Впрочем, прежде следовало понять, для чего убийца оставлял портреты на виду у всех.

Кохаку допускал, что художник мог обладать даром предвидения. Среди демонов встречались наделенные необычными способностями, и некоторые из них умели предчувствовать чужую смерть. Быть может, неизвестный пытался предупредить будущих жертв? Но тогда зачем изображать их на бумаге, вместо того чтобы обратиться к ним лично? И почему портреты появлялись незадолго до убийств, не оставляя людям времени спастись?

Нет, Кохаку все больше склонялся к мысли, что художник и убийца были одним лицом. В каждом преступлении повторялся один и тот же порядок: сначала появлялся портрет, затем находили тело. Сами рисунки, насколько ему удалось выяснить, отличались тщательностью исполнения. Человек, способный с таким усердием изображать чужие страдания, едва ли делал это ради простого предупреждения. Скорее, в портретах заключался особый смысл, понятный лишь их создателю. Кохаку, сам посвятивший многие годы живописи, хорошо знал, как много художник способен вложить в работу, не объясняя своего замысла ни единым словом.

Он повернулся на бок. Выходило, что преступник либо пользовался неизвестной ему силой, либо намеренно заставлял горожан поверить в причастность Сэйхицу. Но откуда убийце вообще стало известно о существовании кисти Накагава? Об ихо знали немногие, а истинные свойства реликвий наследники хранили в тайне. Следовало выяснить, кто первым связал убийства с божественным предметом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.